
НЕФОРМАЛИЗОВАННЫЕ ДАННЫЕ: МЕТОДЫ СБОРА И АНАЛИЗА

Л.А. Бархатова
(Москва)

ЭТИЧЕСКИЕ ДИЛЕММЫ ПОЛЕВОЙ ЭТНОГРАФИИ

Статья посвящена анализу исследовательских практик социологов в решении этических дилемм, возникающих в процессе проведения полевой этнографии. В этнографическом исследовании, где максимальное приближение к изучаемым людям выступает основополагающим принципом, этические проблемы проявляются наиболее остро. Ситуации, с которыми сталкиваются исследователи, использующие этнографический метод, часто не укладываются в формальные рамки процедурной этики, определенные корпусом универсальных правил проведения исследований «на людях». На материалах экспертных интервью с российскими социологами рассматриваются применяемые на практике способы преодоления этических дилемм и связанная с ними исследовательская рефлексия. Было обнаружено, что часто исследователи вынуждены действовать по ситуации, опираясь на свою оценку и представления о должном поведении. Допустимость такой исследовательской позиции обосновывается моральным правом, о котором российские социологи рекомендуют задуматься до погружения в поле.

Ключевые слова: этнографические исследования, полевая этнография, исследовательская этика.

Лариса Александровна Бархатова – студентка магистерской программы «Прикладные методы социального анализа рынков», Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». E-mail: labarkhatova@gmail.com.

Постановка исследовательской задачи

В последние годы этические проблемы, связанные с проведением полевых исследований, все чаще оказываются в центре внимания международного социологического сообщества. Достаточно вспомнить относительно недавний скандал, разразившийся вокруг книги Э. Гоффман «В бегах: жизнь скрывающегося от правосудия в американском городе» [1]. Вышедшая в свет в 2014 г. работа получила широкую известность далеко за пределами академических кругов и даже была названа *The New York Review of Books* «этнографической классикой» [2]. В своем исследовании Э. Гоффман затрагивает болезненную для американского общества проблему расизма в отношении чернокожего населения. Результаты шестилетнего наблюдения автора за жизнью чернокожих молодых людей опровергают массовые стереотипы о том, что чернокожие непременно вовлечены в криминальную деятельность [3]. Однако ряду ученых выводы Э. Гоффман показались необоснованными ввиду множественных внутренних противоречий, содержащихся в книге. Отчасти эти противоречия были вызваны анонимизацией полевых материалов. Следуя профессиональным этическим стандартам, все имена и названия в работе Э. Гоффман заменила на вымышленные, что привело к тому, что результаты ее исследования стало потенциально невозможно проверить. Э. Гоффман была обвинена в субъективизме и «журнализме» – слишком сенсационным и бездоказательным для научного исследования казался характер представленных этнографических описаний [1].

Дискуссия, разгоревшаяся вокруг книги Э. Гоффман, выносит на повестку дня многие неизбежные для этнографии проблемы, в том числе этического характера, связанные с соблюдением этических границ в этнографическом поле. Вопросы исследовательской этики становятся неизбежной проблемой социального исследования, объектом изучения которого являются люди. Такое исследование содержит в себе фундаментальное противоречие между необходимостью собирать и раскрывать информацию в научных целях

и требованиями этики, ограничивающими действия исследователей в целях соблюдения прав и защиты интересов участников. Тот факт, что для исследователя информанты оказываются прежде всего источником получения необходимой информации задает некоторую изначальную неэтичность ситуации, компенсировать которую призваны нормы процедурной этики. В этнографическом исследовании, где достижение определенной близости с участниками изучаемого сообщества – один из основополагающих принципов проведения, этические проблемы предстают перед социологом наиболее остро [4].

Цель работы состоит в описании и анализе исследовательских практик преодоления этических проблем, возникающих в ходе полевой этнографии. В нашем эмпирическом исследовании предпринята попытка понять, как вопросы исследовательской этики актуализируются в сознании российских социологов. Задачи исследования – выявить круг этических проблем, с которыми в своей практике сталкивались российские исследователи, а также определить основные способы их разрешения и аргументы, их обосновывающие.

Эмпирическая база и методология

Эмпирическую базу исследования составили материалы экспертных интервью с российскими социологами, имеющими опыт организации и проведения этнографических исследований (опыт экспертов оценивался на основе публикаций). Сбор данных проводился в Москве в период с декабря 2016 по апрель 2017 г. Всего в ходе исследования было проведено 13 интервью длительностью в среднем около часа. В качестве экспертов выступали исследователи, работающие в различных тематических направлениях прикладной социологии (см. Приложение), что позволило получить широкий спектр мнений и исследовательских практик.

Интервью носили нарративный характер. Экспертам задавался открытый вопрос, с какими этическими проблемами им приходилось

сталкиваться при проведении этнографических исследований, с последующей просьбой более подробно описать каждую упомянутую ими ситуацию. В основном беседа выстраивалась вокруг биографии исследователя, что существенно помогало информантам вспомнить и отрефлексировать свой прошлый методический опыт. Уточняющие вопросы задались лишь после того, как эксперт закончит свой рассказ. Как правило, вопросы касались того, каким образом исследователю удавалось преодолевать обозначенные проблемы и насколько корректными с этической точки зрения он/она находит свои решения.

Логика статьи следующая: сначала мы представим краткий обзор основных подходов к обсуждению вопросов исследовательской этики, после чего перейдем к анализу наиболее актуализированных этических дилемм, с которыми сегодня сталкиваются социологи в контексте изучения современного российского общества.

Основные подходы к обсуждению вопросов исследовательской этики

Отправной точкой для дискуссий об исследовательской этике в методологической литературе стала позиция универсализма или «этического абсолютизма» [5, с. 111–113]. В рамках данного подхода во главу угла ставится следование процедурным стандартам, определенным корпусом общих этических правил проведения исследований «на людях», которые носят универсальный характер. Основная их цель заключается в обеспечении защиты участников исследования путем исключения (минимизации) рисков нанесения им ущерба, в том числе это касается рисков нарушения права на неприкосновенность частной жизни и избегания практик обмана и умалчивания. Следование этим основополагающим этическим принципам предусматривает соблюдение ряда определенных методических процедур [6, р. 290]. Во-первых, еще до проведения поля социолог обязан предупредить своих информантов о цели, процедурах и возможных последствиях исследования. Люди заполняют

специальный документ, где в письменном виде подтверждают свое согласие на участие в исследовании. Такой принцип в литературе принято называть информированным согласием, что указывает на тот факт, что люди принимают решение об участии в исследовании осознанно и добровольно [7, р. 98]. Письменное информированное согласие, возникшее в сфере медицины и психологии, в настоящее время признается обязательным элементом проведения социальных исследований. Другим обязательным элементом соблюдения этических норм стало обеспечение анонимности участников и конфиденциальности полученных данных [8]. Согласно действующим правилам, исследователь обязан гарантировать участникам, что данные о них будут использоваться только в научных целях и не будут переданы третьим лицам. По этой причине в аналитическом отчете принято заменять все имена, географические названия и другие идентифицирующие личность признаки так, чтобы по ним нельзя было распознать информантов, а также предпринимать действия по ограничению допуска к первичным материалам.

Эти правила процедурной этики в настоящее время признаются стандартом для регулирования отношений между исследователем и информантами, который закреплен в кодексах профессиональных объединений, включая международные и национальные социологические ассоциации, в том числе российские (см. например: [9; 10; 11; 12]). Ключевые принципы, изложенные в профессиональных кодексах, декларируют необходимость неукоснительного соблюдения этических правил, нарушение которых должно сопровождаться соответствующими санкциями вплоть до профессиональной дисквалификации.

Функции контроля за выполнения этических норм сегодня осуществляются специализированными комитетами (комиссиями) по этике (Institutional Review Board), которые существуют при многих западных университетах и исследовательских организациях. Общая схема работы этических комиссий, в состав которых – помимо авторитетных представителей экспертного сообщества – входят, как

правило, и юристы, выглядит следующим образом. Рассмотрение исследовательского проекта на соответствие этическим стандартам носит заявительный характер и начинается с подачи документов, где в соответствии с предложенной формой этического протокола описываются цели, процедуры, предполагаемые риски участников. В случае положительного решения выдается заключение о соответствии проекта этическим нормам. В западных университетах система устроена таким образом, что без получения подобного заключения работа социологов может быть полностью блокирована, включая получение гранта, публикации результатов исследования и проч. Подобная система контроля со стороны этических комиссий, которая начинает внедряться и в российских университетах¹, направлена как на защиту прав и интересов участников исследования, так и на минимизацию репутационных рисков самой организации [13, с. 80]. Следует отметить, что деятельность этических комитетов в отношении социальных наук подвергается активной критике со стороны исследователей. Американский социолог Дж. Зависка выделяет два основных направления этой критики: во-первых, они признаются обструкционистскими, поскольку применяемые ими стандарты, пригодные для медицинских экспериментов, не подходят для социологических исследований. Во-вторых, наличие этического протокола не гарантирует, что исследование будет проведено этично [14, с. 174–175].

Идеи этического универсализма, принявшие сегодня институционализированную форму, подвергаются критике и с позиций ситуационной этики или «этического релятивизма» [5, с. 113]. Данный подход исходит из предпосылки, что универсальных критериев оценки этичности исследований не существует и не может существовать, а этические проблемы, возникающие в ходе полевой работы, должны рассматриваться и разрешаться применительно

¹ Например, в НИУ ВШЭ. Подробнее см.: <https://www.hse.ru/org/hse/irb/> (дата обращения: 20.09.2018).

к конкретной ситуации. Поскольку практически все социальные исследования так или иначе включают элементы, которые с точки зрения этики нельзя трактовать однозначно, социологи вынуждены действовать по ситуации и часто просто не имеют выбора, кроме как идти на определенные нарушения. Сторонники наиболее радикальных подходов считают допустимым обман по отношению к участникам поля. Эта позиция поддерживается рассуждениями о том, что неполная информация, умолчание и притворство остаются неотъемлемой частью социальной жизни, а значит и полевого исследования. Размышляя о своем полевом опыте, известный социолог А. Ханс писал, что информанты склонны скрывать от исследователя реальные мотивы и значения своих действий. Единственный способ этого избежать – это самому исследователю быть не в полной мере честным [15]. Крайнее выражение этой позиции представлено тезисом – «цель оправдывает средства» в конфликтной парадигме Дж. Дугласа, согласно которой потенциальная польза и важность полученных знаний может перевешивать риски причинения вреда информантам [16].

Наиболее ярко выражен конфликт между универсальными этическими требованиями и базовыми принципами проведения этнографического исследования, которое основано на включенном наблюдении и принципиально не укладывается в формальные рамки процедурной этики [17]. Ввиду того, что этнографическое исследование глубоко укоренено в происходящем, оно едва поддается рациональному планированию [18, р. 908]. Как показывает опыт многих социологов, в реальной исследовательской практике могут возникать непредсказуемые ситуации, когда слепое ритуализованное следование этическим нормам может быть затруднено и/или совершенно неадекватно с точки зрения здравого смысла [19, р. 279]. Например, в литературе подробно описаны случаи, когда исследователям приходилось изучать сообщества, внутри которых протекали внутренние конфликты [20]. В такой ситуации исследователь не может оставаться сторонним наблюдателем, ему приходится делать выбор в пользу

одной из сторон. Поскольку такие неоднозначные с моральной точки зрения решения могут быть сопряжены с рисками (как для информантов, так и для самого исследователя), гарантировать соблюдение норм этики в этих условиях вряд ли возможно.

Краткий обзор существующей дискуссии вокруг вопросов исследовательской этики приводит нас к выводу о том, исследовательской этика – это прежде всего «этика правды», ключевые проблемы которой лежат в моральных основаниях человеческого поведения [21, р. 5]. Всякая правда, как писал известный словенский философ и культуролог С. Жижек, никогда не становится абсолютной истиной, поскольку сам характер социальной реальности, в которой мы живем, делает ее неточной и смещенной [22]. Это значит, что оценить то или иное действие с точки зрения этики (в том числе исследовательской), возможно только рассматривая категорию этичности в существующем социальном контексте.

Может показаться, что выбор подхода к этическому регулированию исследования остается личной прерогативой исследователя. Однако, учитывая тот факт, что идеи этического абсолютизма приняли институционализированную форму, став своеобразным сводом правил проведения исследований «на людях», вряд ли у кого-то останутся сомнения в том, что именно эта концепция сегодня доминирует в академической среде. Впрочем это не значит, что перед включенными наблюдателями не возникают проблемы, которые сложно поддаются регулированию с помощью формальных правил. Изложенный в литературе эмпирический опыт показывает, что процедурные стандарты проведения социальных исследований далеко не всегда могут быть применимы к реальной ситуации. Именно о таких ситуациях и способах их решения российскими социологами и пойдет речь далее.

Процедурная этика и «моральное право»

Несмотря на сохраняющееся в научной среде господство принципов этического абсолютизма, значительная часть исследова-

довательских ситуаций описывается социологами в терминах ситуативной этики. Как показывает опыт опрошенных нами экспертов, в контексте этнографического исследования формальные требования процедурной этики далеко не всегда удается соблюдать. Этические стандарты, заданные корпусом универсальных правил, могут входить в противоречие с целями исследования, негативно отражаясь на его качестве. Чем больше исследователь старается вписаться в установленные процедурные рамки этики, тем меньше он способен «включиться» в сообщество, понять и интерпретировать наблюдаемую социальную жизнь:

Чем более этически процедурно ты делаешь иногда, тем больше это напоминает какую-то регистрацию информации. Да, но в меньшей степени напоминает попытку какого-то понимания значений смыслов, которые высказываются. То есть ты в меньшей степени должен вообще задумываться в процессе (И06).

Рассуждая об этических нормах, эксперты поднимают вопрос о соотношении требований процедурной этики и моральных принципов исследователя как своего рода «внутренней» этики. Разумеется, этические правила и внутренняя этика в той или иной мере могут совпадать, но именно последняя в реальной исследовательской ситуации часто становится источником для принятия решений:

Я не уверен просто то, что называется академической этикой или академическими правилами проведения исследований и какая-то внутренняя этика – это вещи, которые очень часто пересекаются между собой... Можно, конечно, засесть в засаде и слушать, как там разговаривают предприниматели. С одной стороны, есть вопрос этики. Подслушивать нельзя. Но, на самом деле, социологу или антропологу это просто не нужно. Это информация, которая не является для него существенной (И06).

Этические правила в принципе не могут предусмотреть весь спектр возможных проблем, с которым может столкнуться социолог в ходе полевой работы. Как действовать в неоднозначных с

точки зрения этики ситуациях не прописано ни в одном учебнике по этнографии. Такие ситуации с трудом поддаются регулированию с помощью формальных этических правил. Их можно назвать своего рода моральными дилеммами, которые разрешаются в соответствии с собственными представлениями о должном поведении и рефлексией исследовательской ситуации. Пренебрегая некоторыми универсальными требованиями процедурной этики, социологи предпочитают действовать по ситуации, опираясь на свое «моральное право», которое становится основным регулятором поведения.

В ходе общения с информантами так же как и в повседневной коммуникации, перед исследователем может встать выбор: сказать правду или слухавить. Безусловно, с точки зрения этики обман в отношениях с участниками исследования недопустим. Однако, как должен поступить исследователь, если только обман или умолчание может способствовать погружению в сообщество? Однозначного ответа на этот вопрос нет. Эксперты вспоминали конкретные примеры ситуаций, когда им приходилось осуществлять подобный выбор. Так, со слов одного из опрошенных нами экспертов, однажды ей пришлось обмануть своих информантов, чтобы расположить их к себе и обеспечить их доверие.

Вот, но я до сих пор это рассказываю, когда, я, в общем, была вынуждена соврать, что пробовала ананашу или что-то там типа курила... На самом деле, у меня не было такого опыта, я соврала (И12).

Изучаемое сообщество может и само приписывать исследователю иную, понятную в этом сообществе роль. Иногда социолог принимает эту роль и просто «плывет по течению». С точки зрения получения информации, такая позиция может оказаться весьма продуктивной, часто она открывает ту сторону поля, которая была бы недоступна исследователю при полном раскрытии своего статуса перед информантами.

Например, меня принимали как комиссара ФИФА. Почему? Непонятно... Ну, хотя я там говорил, что мы здесь проводим исследование. Ну, чем я больше убеждал их, тем больше верили, что я комиссар... Зато мне как комиссару ФИФА рассказывали такие вещи, которые социологу никогда не расскажут (И07).

Конечно, такую позицию исследователя нельзя счесть в полной мере этической. Однако практики обмана или умалчивания оправдываются тем, что не всякая ложь наносит вред участникам исследования.

Множество проблем возникают с получением информированного согласия. Важное правило процедурной этики в данном случае состоит в том, что социолог обязан предупредить участников о цели и возможных последствиях исследования, а также убедиться, что они осознают все обстоятельства, и они на это согласны. Однако часто возникает ситуация, когда информант не дает своего согласия, например, на запись интервью. Стандартные принципы и процедуры этики запрещают вести запись без согласия информанта. По поводу того, как выходить из этой ситуации, у опрошенных социологов также нет однозначного мнения. Ряд экспертов настаивают, что диктофонная запись в этом случае недопустима. Другие считают, что получение записи некорректным путем может быть оправдано в целях получения ценной информации «во благо» исследования, а безопасность информанта должна быть обеспечена соблюдением правил анонимности и конфиденциальности данных:

Нормальный интервьюер не ходит с одним диктофоном – он ходит с двумя диктофонами. То есть ему не разрешили записывать, он кладет публично диктофон на стол, а второй включает у себя в кармане... Я обещаю ему, что его имя нигде не всплывет. Это я обещаю, и это я должен соблюсти. Понятно, что, если он не давал мне разрешение на запись, то я потом не буду использовать дословные цитаты... Для меня диктофон в данном случае – это просто способ проверить мою собственную память (И08).

Необходимость использования диктофона без разрешения собеседника часто соотносится с проблемами восприятия диалога на слух и запоминания, особенно если язык изучаемого сообщества оказывается настолько специфическим, что у исследователя могут возникать трудности с пониманием незнакомых ему понятий. В таком случае диктофонная запись выступает единственным способом фиксации социального контекста, и исследователь вынужденно идет на обман:

... в какой-то момент в некоторых случаях, она (исследователь) понимала, что рассказ настолько самобытен и необычен по лексике, что она его никогда не воспроизведет и не запомнит даже... Это другая среда. Она (исследователь) использует совсем другие обороты... Ты – не запомнишь. И она тогда начала время от времени включать диктофон на телефоне. И тут возникла этическая дилемма, которая у нас маркируется информированным согласием (И13).

Безусловно, этичность такой исследовательской позиции можно поставить под сомнение, но, судя по рассказам исследователей, это стало довольно распространенной практикой и далеко не всегда осознается в качестве серьезного нарушения этических правил.

Этические проблемы могут возникать и в вопросах валидации результатов качественного исследования информантами, которая теперь рассматривается как этическое требование [23, p. 275]. Одним из основных вариантов валидации считается оценка участниками материалов исследования (*respondent validation or member checking*), которая рассматривается как ключевой способ, позволяющий контролировать «субъективные» влияния в анализе [24]. Реализация этого принципа включает ознакомление информантов как с первичными документами – транскриптами интервью, протоколами наблюдения (описательная валидность), так и с итоговыми документами – аналитическими отчетами, статьями, презентациями (интерпретативная валидность). Поскольку точных индикаторов валидности в этнографическом исследовании нет, согласованное с информантами понимание ситуации крайне важно

для исследовательских интерпретаций и оценки качества полученных материалов. По этой причине ряд российских социологов придерживаются позиции, что участники исследования должны видеть, какие результаты получились на выходе, и следуют этому правилу в своей работе («Мы, действительно, писали отчеты и присылали этим нашим потерпевшим» (И01)).

С другой стороны, учитывая тот факт, что исследовательская интерпретация может не совпадать с представлениями информантов по тому или иному вопросу, необходимость согласования результатов анализа с ними может приводить к патовой ситуации. По воспоминаниям одной из наших информанток, однажды у нее был случай, когда перед презентацией результатов исследования ей пришлось убрать из доклада часть важных выводов, которые потенциально могли причинить вред отдельным участникам.

И поэтому такой был доклад, связанный преимущественно с положительными моментами в трудовых отношениях, во взаимодействиях коллектива с руководством и т.д... А проблемы там вскрыть нельзя было – это было изначально понятно, потому что они не ложились ни в дискурсе, ни в сознании директора. Ему нельзя было давать эти результаты. Это бы просто полетели головы конкретных людей (И05).

В качестве компромиссного варианта разрешения таких ситуаций, ряд экспертов предлагают знакомить информантов только с первичными материалами (транскриптами интервью), но не с их интерпретацией.

А этот транскрипт я всегда отсылаю своим респондентам. Но при этом я не знакомяю их с интерпретацией этого транскрипта. Это принципиальная вещь. Это мой copyright. А у них есть copyright на транскрипт (И03).

Отсылать транскрипты участникам исследования эксперты рекомендуют для того, чтобы проконтролировать, не забыл ли исследователь удалить все детали, которые могли бы раскрыть

личность информантов. Это может быть крайне важно в случае сензитивных тем, когда риски нарушения права на неприкосновенность частной жизни особенно велики.

Риски исследователей как «плата» за доступ к частной жизни

В этнографическом исследовании рискам могут подвергаться не только информанты, но и сами исследователи. Будучи своего рода платой за доступ к частной жизни, эти риски могут носить самый разный характер: начиная от моральных обязательств и психологического дискомфорта, заканчивая весьма серьезными опасностями, угрожающими жизни и здоровью исследователя.

Существует мнение, что выход из поля – один из самых тяжелых этапов этнографического исследования с точки зрения этики [25, с. 9]. Как показывает практика, по окончании работы в поле неизбежно возникает вопрос: стоит ли продолжать общение, фундамент которого был заложен при проведении исследования? Вся необходимая информация собрана, и в этом смысле социологу нет необходимости продолжать это общение. Однако моральные обязательства часто диктуют обратное – нельзя оставлять человека наедине с его чувствами, даже если работа уже завершена. Особенно это касается тех случаев, когда объектом исследования выступают социально исключенные группы.

Вот это доверие, которым они меня одарили, оно требовало какого-то продолжения. И понятно их желание поддерживать контакты. Я это поддерживала встречно... Ну как это свести на нет? (И03)

Отдельного рассмотрения заслуживают сюжеты, когда поведение участников исследования может быть сопряжено с нарушениями законодательства. Эксперты рассказывали о случаях, когда им приходилось проводить исследования в сообществах, где девиантные практики оказались органической частью повсед-

невности изучаемых людей. Одной из наших информанток даже приходилось быть свидетельницей, как участники исследования совершали противозаконные действия. Умалчивание данной информации от должностных лиц потенциально могло быть чревато для нее юридическими проблемами, однако она предпочла никому не рассказывать об этом, чтобы не потерять доверие информантов:

На русском заводе, значит, рабочие пили. Или скажем так, вещи выносили какие-то... То есть. были дырки в заборе в заборе, и они вытаскивали продукцию. Этика была какая... Я не могла рассказывать про это (И04).

В интервью звучали рассуждения на тему того, когда по моральным соображениям лучше отказаться от проведения исследования. В качестве одной из таких причин выступает личное неприятие, осуждение стиля жизни представителей определенных сообществ, что не позволяет быть эмпатийным по отношению к участникам исследования, как того требует этнографическое поле.

Да вот недавно один из коллег сообщал об этнографическом исследовании поселений старообрядцев... Вот я бы туда не пошла, потому что считаю, что у меня нет морального права этим заниматься. Вот это вот внутреннее право, как у Раскольникова, вот тот вопрос, который он решал, я считаю, что если ты отдаешь себе отчет в том, есть ли у тебя такое право, и ты поразмышлял на эту тему, то можешь это сделать (И02).

Другой причиной становятся ситуации, характерные для организационной этнографии, когда заказчик исследования пытается навязать скрытую цель, несовместимую с моральными принципами и этическими стандартами, принятыми в социологическом сообществе. Эксперты приводили примеры из собственной исследовательской практики, когда за пониманием навязываемой социологу неэтичной по отношению к потенциальным информантам позиции следовал отказ от исследования.

Вот из последних таких примеров можно привести пример, когда тебе заказывают исследование и заказчик рассчитывает совместить исследование и персональную или групповую оценку персонала. И тебе навязывают скрытую цель, которую ты не должна обсуждать с работниками, а должна, как в *mystery shopping*, потом сделать их оценку... Мне вот мой статус сейчас уже позволяет, я выбираю те исследования, которые полезны. То есть благодаря статусу, репутации, опыту я просто сортирую для себя эти исследования, которые этичные или неэтичные, и перехожу только в этичные исследования (И02).

Однако не всегда цели заказчика становятся известны на этапе обсуждения планируемого исследования. Другой пример похожей ситуации связан с тем случаем, когда заказчик просит предоставить ему первичные данные после проведения исследования. Как следует поступать в этом случае, когда от проведения исследования уже невозможно отказаться? Российские социологи, с которыми мы проводили интервью, единогласно выступают за то, чтобы ни при каких обстоятельствах не передавать заказчику личные данные участников исследования – даже, если отказ будет сопровождаться собственными финансовыми убытками. Такая ситуация произошла с одним из опрошенных нами экспертов, которому заказчик не заплатил за исследование из-за того, что он не согласился на такое предложение. Впрочем, в этом конкретном случае исследователь, по его же словам, руководствовался не только моральными соображениями, но и старался избежать репутационных рисков.

Но тем не менее я дал слово, и показать ему первичку я не мог. Вот... В двух случаях, я помню, дошло дело до того, что мне просто не заплатили. Ну, я говорю, я не думал об этих людях, я думал о себе любимом. В том плане, что если я сейчас это сделаю, то я себе испорчу репутацию, испорчу все последующие поля, кто со мной вообще будет иметь дело, если я на такие вещи способен. И там реально искушение... То есть человек говорил: «Ну либо я тебе вообще не плачу, либо если ты мне отдаешь, я тогда удвою» (И07).

Итак, в полевом этнографическом исследовании выбор, как необходимо поступать, остается на совести исследователя. С одной стороны, он не имеет морального права причинять вред и открыто осуждать своих информантов («Мы в жизнь людей вторгаемся, и мы не можем от них требовать соблюдения каких-то наших правил» (И12)). С другой стороны, у него есть право поступать согласно собственным моральным принципам, иногда даже в ущерб собственной безопасности и комфорту.

Заклочение

Дебаты относительно этики социальных исследований включают две взаимосвязанные проблемы: с одной стороны, принятые этические правила могут существенно ограничить свободу исследователя, с другой стороны, эти правила легко проигнорировать или обойти, поскольку они не содержат конкретного руководства к действию. Исследователи, использующие этнографический метод, часто сталкиваются с ситуацией, когда принятые в академическом сообществе этические нормы и правила оказываются весьма далекими от реальных этических проблем, возникающих в процессе полевой работы. Этнографическое исследование, основополагающим принципом проведения которого стало максимальное приближение к изучаемым людям, неизбежно содержит в себе элемент неопределенности, из-за чего предугадать заранее многие этические проблемы не представляется возможным.

В ситуации, когда универсальные нормы процедурной этики «не работают», исследователи вынуждены прибегать к различным уловкам, чтобы оставаться одновременно в рамках научной обоснованности и этической ответственности. В этом случае подключаются другие механизмы этического регулирования, которые чаще всего определяются в терминах ситуативной этики и морального права. Моральные принципы исследователя фактически становятся единственным источником для принятия решений,

выбор которых часто происходит исходя из соотношения ценности получаемой информации и потенциальными рисками нарушения права на неприкосновенность частной жизни.

ЛИТЕРАТУРА

1. The New York Times. Trials of Alice Goffman. 2016. URL: <https://www.nytimes.com/2016/01/17/magazine/the-trials-of-alice-goffman.html> (date of access: 29.09.2018)
2. The New York Review of Books. On America's Front Line. 2014. URL: <http://www.nybooks.com/articles/2014/10/09/americas-front-lines/> (date of access: 29.09.2018)
3. *Goffman A.* On the Run: Fugitive Life in an American City. Chicago: University of Chicago Press, 2014.
4. *Hammersley M., Atkinson P.* Ethnography. Principles in Practice. 2nd ed. London: Routledge, 1995.
5. *Веселкова Н.В.* Об этике исследования // Социологические исследования. 2000. № 8. С. 109–114.
6. *LeCompte M.D., Schensul J.J.* Designing and Conducting Ethnographic Research. 2nd ed. Lanham, MD: AltaMira, 2010.
7. *Angrosino M.* Doing Ethnographic and Observational Research. Thousand Oaks, CA: Sage, 2008.
8. *O'Reilly K.* Ethnographic Methods. 2nd ed. Abingdon: Routledge, 2012.
9. International Sociological Association. Code of Ethics. URL: <https://www.isa-sociology.org/en/about-isa/code-of-ethics/> (date of access: 29.09.2018).
10. American Sociological Association. Code of Ethics. URL: http://www.asanet.org/sites/default/files/code_of_ethics_aug_2017_2_1.pdf (date of access: 29.09.2018).
11. British Sociological Association. Statement of Ethical Practice. URL: https://www.britisoc.co.uk/media/24310/bsa_statement_of_ethical_practice.pdf (date of access: 29.09.2018).
12. Российское общество социологов. Этический кодекс Российского общества социологов. URL: http://www.ssa-rss.ru/index.php?page_id=84 (дата обращения: 29.09.2018).
13. Форум: Этические проблемы полевых исследований // Антропологический форум. 2006. № 5. С. 6–166.
14. *Зависка Дж.* Этика полевой работы в этнографии // Антропологический форум. 2006. №5. С. 169–193.
15. *Gans H.J.* The Urban Villagers: Group and Class in the Life of Italian-Americans. New York: Free Press, 1962.
16. *Douglas J.D.* Investigative Social Research: Individual and Team Field Research. Beverly Hills, CA: Sage, 1976.

17. *Hammersley M.* Against the Ethicists: on the Evils of Ethical Regulation // International Journal of Social Research Methodology. 2009. Vol. 12. No. 3. P. 211–225.

18. *Calvey D.* The Art and Politics of Covert Research // Sociology. 2008. Vol. 42. No. 5. P. 229–243.

19. *Sin C.H.* Seeking Informed Consent: Reflections on Research Practice // Sociology. 2005. Vol. 39. No. 2. P. 277–294.

20. *Brewer J.D.* The Ethics of Ethical Debates in Peace and Conflict Research: Notes towards the Development of a Research Covenant // Methodological Innovations. 2016. Vol. 9. P. 1–11.

21. *Morrison C., Sachetto D.* Research Ethics in an Unethical World: the Politics and the Morality of Engaged Research // Work, Employment and Society. 2017. Vol. 32. No. 6. P. 1118–1129.

22. *Žižek S.* Welcome to the Desert of the Real. London: Verso, 2002.

23. *Guillemín M., Gillian L.* Ethics, Reflexivity, and ‘Ethically Important Moments’ in Research // Qualitative Inquiry. 2004. Vol. 10. No. 2. P. 261–280.

24. *Maxwell J.A.* Understanding and Validity in Qualitative Research // Harvard Educational Review. 1992. Vol. 62. No. 3. P. 279–300.

25. *Воронков В.* Размышления о полевом исследовании // Социолог в поле: уйти, чтобы остаться / Под ред. В. Воронкова, Е. Чикадзе. СПб.: Алетей, 2009.

Приложение

ХАРАКТЕРИСТИКИ ОПРОШЕННЫХ ЭКСПЕРТОВ

Номер интервью	Пол	Опыт работы в качественной социологии, лет	Тематика этнографического наблюдения
1	м	24	Изучение территориальных сообществ: российские села, шахтерские поселки
2	ж	27	Изучение трудовых сообществ: промышленные предприятия, некоммерческие общественные организации
3	ж	20	Изучение сообществ: группы бизнес элиты, этнические группы, танцевальные субкультуры
4	ж	30	Изучение трудовых сообществ: промышленные предприятия
5	ж	30	Изучение трудовых сообществ: промышленные предприятия

Номер интервью	Пол	Опыт работы в качественной социологии, лет	Тематика этнографического наблюдения
6	м	15	Изучение территориальных сообществ: малые города России Исследования организаций: формальные организации (ВУЗы, больницы)
7	м	27	Изучение территориальных сообществ: российские села; Исследования городского пространства: спортивные объекты
8	м	15	Изучение территориальных сообществ: малые города России
9	ж	5	Изучение сообществ: феминистские сообщества
10	м	46	Изучение сообществ: малые города России, строительные бригады, девиантные группы
11	ж	7	Изучение территориальных сообществ: малые города России
12	ж	22	Изучение сообществ: молодежь, гей-сообщества, феминистские сообщества, девиантные группы
13	м	22	Изучение трудовых сообществ: промышленные предприятия

Barkhatova Larisa,

*National Research University Higher School of Economics (NRU HSE),
Moscow, labarkhatova@gmail.com*

Ethical dilemmas of ethnographic fieldwork

We analyze the research practices of sociologists in solving ethical dilemmas arising during the ethnographic fieldwork. In ethnographic research, where a close proximity to people under study is a fundamental principle, ethical issues are the most acute. Situations faced by researchers using the ethnographic method, do not often fit into the formal framework of procedural ethics, defined by the corpus of universal rules for conducting research “on people”. Based on expert interviews with Russian sociologists, the paper considers practical ways to overcome ethical dilemmas, as well as research reflection associated with them. It was found that researchers often have to act according to the circumstances, relying on their assessment and perceptions of acceptable behavior. The permissibility of this position is justified by the moral law, which Russian sociologists recommend thinking about before immersion into the field.

Keywords: ethnographic research, ethnographic fieldwork, research ethics.

References

1. Trials of Alice Goffman, *The New York Times*, 2016. URL: <https://www.nytimes.com/2016/01/17/magazine/the-trials-of-alice-goffman.html> (date of access: 29.09.2018)
2. On America’s Front Line, *The New York Review of Books*, 2014. URL: <http://www.nybooks.com/articles/2014/10/09/americas-front-lines/> (date of access: 29.09.2018)
3. Goffman A. *On the Run: Fugitive Life in an American City*. Chicago: University of Chicago Press, 2014.
4. Hammersley M., Atkinson P. *Ethnography. Principles in Practice*. 2nd ed. London: Routledge, 1995.
5. Veselkova N.V. “Ob etike issledovaniya” (in Russian), *Sotsiologicheskie issledovaniya (Sociological Studies)*, 2000, 8, 109–114.
6. LeCompte M.D., Schensul J.J. *Designing and Conducting Ethnographic Research*. 2nd ed. Lanham, MD: AltaMira, 2010.
7. Angrosino M. *Doing Ethnographic and Observational Research*. Thousand Oaks, CA: Sage, 2008.

8. O'Reilly K. *Ethnographic Methods*. 2nd ed. Abingdon: Routledge, 2012.
9. *International Sociological Association*. Code of Ethics. URL: <https://www.isa-sociology.org/en/about-isa/code-of-ethics/> (date of access: 29.09.2018).
10. *American Sociological Association*. Code of Ethics. URL: http://www.asanet.org/sites/default/files/code_of_ethics_aug_2017_2_1.pdf (date of access: 29.09.2018).
11. *British Sociological Association*. Statement of Ethical Practice. URL: https://www.britisoc.co.uk/media/24310/bsa_statement_of_ethical_practice.pdf (date of access: 29.09.2018).
12. *Russian Society of Sociologists*. *Eticheskiy Kodeks Rossijskogo Obshchestva Sociologov* (in Russian). URL: http://www.ssa-rss.ru/index.php?page_id=84 (date of access: 29.09.2018).
13. Abashin et al. "Forum: Eticheskie problemy polevyh issledovaniy" (in Russian), *Antropologicheskij forum (Anthropological Forum)*, 2006, 5, 6–166.
14. Zavisca J. "Ethics in ethnographic fieldwork" (transl., in Russian), *Antropologicheskij forum (Anthropological Forum)*, 2006, 5, 169–193.
15. Gans H.J. *The Urban Villagers: Group and Class in the Life of Italian-Americans*. New York: Free Press, 1962.
16. Douglas J.D. *Investigative Social Research: Individual and Team Field Research*. Beverly Hills, CA: Sage, 1976.
17. Hammersley M. "Against the Ethicists: on the Evils of Ethical Regulation", *International Journal of Social Research Methodology*, 2009, 12 (3), 211–225.
18. Calvey D. "The Art and Politics of Covert Research", *Sociology*, 2008, 42 (5), 229–243.
19. Sin C.H. "Seeking Informed Consent: Reflections on Research Practice", *Sociology*, 2005, 39(2), 277–294.
20. Brewer J.D. "The Ethics of Ethical Debates in Peace and Conflict Research: Notes towards the Development of a Research Covenant", *Methodological Innovations*, 2016, 9, 1–11.
21. Morrison C., Sachetto D. "Research Ethics in an Unethical World: the Politics and the Morality of Engaged Research", *Work, Employment and Society*, 2017, 32(6), 1118–1129.
22. Žižek S. *Welcome to the Desert of the Real*. London: Verso, 2002.
23. Guillemin M., Gillian L. "Ethics, Reflexivity, and 'Ethically Important Moments' in Research", *Qualitative Inquiry*, 2004, 10 (2), 261–280.

24. Maxwell J.A. "Understanding and Validity in Qualitative Research", *Harvard Educational Review*, 1992, 62(3), 279–300.
25. Voronkov V. "Razmyshleniya o polevom issledovanii" (in Russian), in: *Sociolog v pole: uji, chtoby ostat'sya*. SPb.: Aletejya, 2009.